всѣхъ заключенныхъ, а посадить туда вмѣсто нихъ васъ, меня и всѣхъ нашихъ друзей, то въ мірѣ ничего не перемѣнится отъ этого и все пойдетъ попрежнему. Человѣчество не раздѣляется на добрыхъ и злыхъ людей, но въ каждомъ человѣкѣ есть добрая и злая половины, и лучшей дисциплиной является та, которая отдаетъ злую половину во власть хорошей. Только въ этой власти и можетъ выразиться истинное самоуправленіе, и воспитаніе, стремящееся къ проявленію этой власти, сдѣлаетъ для общественной безопасности болѣе, чѣмъ всѣ наши карательныя учрежденія, взятыя вмѣстѣ.

И какъ недѣйствительны всѣ эти учрежденія! Каждый годъ въ Соединенныхъ Штатахъ совершается болѣе десяти тысячъ убійствъ, а навѣрное не болѣе десяти процентовъ преступниковъ подвергаются наказанію. Остальные девяносто процентовъ остаются на свободѣ—и не только отъ прошлаго года, но и отъ всѣхъ предыдущихъ лѣтъ, — а мы все-таки ихъ не боимся. Мы знаемъ также, что всѣ люди, которые въ будущемъ году совершатъ убійства, пока еще находятся на свободѣ такъ же, какъ убійцы всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ, и что ничто не можетъ помѣшать имъ; а между тѣмъ мы продолжаемъ жить спокойно, полагаясь, очевидно, не на могущество закона, а на доброе расположеніе къ намъ людей, среди которыхъ мы живемъ.

И когда вмѣшивается законъ, насколько онъ насъ защищаетъ? Онъ обыкновенно заключаетъ преступника въ тюрьму. Пожизненное заключеніе рѣдко длится дѣйствительно всю жизнь, такъ что практически мы можемъ считать заключеніе мѣрой только временной. Мы беремъ человѣка съ «головорѣзными наклонностями», сажаемъ его въ тюрьму, держимъ его тамъ подъ строгимъ и жестокимъ надзоромъ пять или десять лѣтъ, а затѣмъ возвращаемъ ему полную свободу. Развѣ это не то же самое, какъ говоритъ мистеръ Льюисъ, что «заключить въ клѣтку на мѣсяцъ или на годъ тигра-людоѣда, а затѣмъ выпустить его на свободу?» Можно ли предполагать,